

под сильнейшим нажимом со стороны Советского Союза, по сути, предопределило трагический исход очередного этапа борьбы коренных народов Синыцзяна за свою независимость. Но фактически противостояние в иных проявлениях и формах продолжалось ещё более двух лет.

Д. В. Возчиков

*Институт гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета*

**«Люди скромны, благовоспитанны
и богаче жителей других стран»: венецианский
путешественник Никколо Конти о Китае**

Венецианский дипломат, купец и путешественник второй половины XV в. Иосафат Барбаро однажды заметил: «Большая доля той малой части земли, которая обитаема, оставалась бы вовсе неведомой, если бы венецианская торговля и венецианское мореходство не открыли ее»¹. Одним из тех венецианцев, благодаря которым знания позднесредневекового Запада о других цивилизациях существенно расширились, был купец Никколо Конти (ок. 1395–1469). Конти провел в путешествиях по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии свыше 20 лет, владел арабским и персидским языками. Рассказы венецианца о Востоке, в том числе о Китае, дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвертую книгу «Истории о превратности судьбы»², и кастильского путешественника Перо

¹ Барбаро И. Путешествие в Тану, 2 // Барбаро и Контарини о России : К истории итало-российских связей в XVI в. / вступит. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.

² Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.

Тафура³. Однако описание Китая содержится только в подробном отчете папскому секретарю.

После возвращения в Италию Конти прибывает в 1439 г. во Флоренцию, где находился папа Евгений IV (Габриэле Кондульмер из Венеции), для того, чтобы получить прощение за отречение от христианства в Египте⁴. В качестве искупления за вынужденное принятие ислама на обратном пути Конти подробно рассказал о своих путешествиях секретарю Евгения IV Поджо Браччолини. По признанию самого Конти, он вынужден был принять ислам не столько из-за угрозы своей жизни, сколько из-за страха за жизнь жены и детей⁵. В отчете папскому секретарю Конти представил подробную историю своих путешествий и описания увиденных им стран и городов, религиозной жизни и повседневности Индии и Юго-Восточной Азии. Отчет Конти можно условно разделить на две части: в первой главным образом идет рассказ о маршруте путешествий венецианского купца, вторая же отводится более подробному описанию хозяйства, уклада и обычаев жителей «Индий».

Все земли, лежащие к востоку от Ирана, фигурируют в отчете Конти под общим наименованием «Индии»:

Вся Индия разделена на три части: первая — от Персии до реки Инд, вторая — от Инда до Ганга, а третья — все, что далее. [Третья часть] намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам⁶.

Китай, согласно этой трехчастной схеме всех азиатских стран восточнее Ирана, относится к третьей «Индии», а его культура вызывает неподдельный интерес и уважение у путешественника. Отсюда возникает и известная сложность: данные о китайцах оказываются утоплены во второй части отчета среди информации о других «провинциях» Индии в целом, куда попадали, в частности, государства

---

³ *Тафур П.* Странствия и путешествия, 96–112 // *Тафур П.* Странствия и путешествия. М., 2006.

⁴ *Breazeale K.* Editorail Introduction to Niccolò de' Conti's Account // *SOAS Bull. of Burma Research.* Vol. 2. 2004. № 2. P. 100.

⁵ *Bracciolini P.* Op. cit. P. 126.

⁶ *Ibid.* P. 139.

Ава, Мацин (по-видимому, Аютя) и Чампа. Конти значительно меньше, чем, к примеру, Марко Поло привлекали военные и событийные сюжеты. Особый интерес венецианец XV в. проявил к городской жизни, торговле, обычаям и верованиям далеких стран.

Свидетельства Конти о Китае представляют немалый исследовательский интерес. В тексте его отчета нет прямых указаний на то, посещал венецианец Китай лично или лишь слышал рассказы о нем. Помимо проблемы источников и степени достоверности сведений о Китае, следует выделить также вопрос о личном восприятии китайской цивилизации путешественником Конти и гуманистом Браччолини.

Очевидно, перед тем, как оказаться на страницах «Истории о превратности судьбы», сведения Конти вновь прошли отбор: гуманиста Поджо более всего интересовала духовная жизнь далеких стран, и он явно старался соотнести данные путешественника с античными источниками, в частности, с «Естественной историей» Плиния, которого Поджо не раз упоминает на страницах своего труда⁷. Индийские брахманы изображаются у Конти — Браччолини образованными и добродетельными мудрецами: они прямо названы «племенем философов» («*Philosophorum genus*»)⁸. Конти отмечает их праведность и мудрость, познания в астрономии и геомантии (по-видимому, вастувидья) и уверяет даже, что встречал философа, дожившего до трехсотлетнего возраста⁹. На восприятие Поджо Браччолини рассказов Конти о брахманах, по-видимому, оказал влияние идеализированный образ индийских гимнософистов («нагих мудрецов») у античных авторов. Однако Китаю, в отличие от Индии, заметного места в античной традиции не нашлось: сколько-нибудь достоверные сведения о Китае начали поступать в Европу лишь с XIII в. в сообщениях миссионеров, купцов и путешественников, во многом благодаря возникновению связующей разные концы Евразии Монгольской империи.

Описание Китая у Никколо Конти — одно из самых ранних сообщений о Китае после падения в 1368 г. империи Юань, столь восторженно описанной другим венецианцем, Марко Поло. Это

⁷ *Bracciolini P. Op. cit. P. 23, 132.*

⁸ *Ibid. P. 142.*

⁹ *Ibid.*

описание следует непосредственно за рассказом о стране Мацин, причем о Китае венецианский путешественник сообщает значительно меньше, нежели об империи Виджаянагар, Сиаме или Суматре.

За Мацином есть провинция под названием Катай (Cathaium), превосходящая все остальные. Ее правитель зовется Великим ханом (magnus Canis), что на их языке означает «император». Царская столица Камбалескья (Cambaleschia) выстроена в форме прямоугольника периметром двадцать восемь миль. В центре стоит весьма защищенная и красивейшая крепость, в которой находится дворец государя. На каждом из четырех углов города расположены круглые укрепления окружностью в четыре мили, служащие арсеналами. Там хранится оружие всех видов, а также машины для войны и осады городов. К каждой из крепостей от дворца тянется через город сводчатая стена, которая обеспечивает царю возможность доступа в арсеналы, если в городе вспыхнет мятеж против него.

На расстоянии примерно пятнадцати дней пути от столицы находится другой город под названием Немптаи (Nemptai), основанный императором. Его окружность составляет тридцать тысяч миль, и это самый большой город из всех. В обоих городах, как уверяет [Никколо], дома, дворцы и другие украшения напоминают итальянские, а люди скромны, благовоспитанны и богаче жителей других стран¹⁰.

Конти явно пользовался устаревшей информацией о Китае: в 1368 г. монгольскую династию Юань сменила китайская Мин, новая столица была провозглашена в Нанкине. Однако в 1420 г. третий минский император Чжу Ди объявил Пекин новой столицей империи. Следовательно, поскольку путешествия Конти по странам «Дальней Индии» приходится на 1420–1430-е гг., информация о Пекине как о столице верна, но монгольское название Камбалескья (Ханбалык, «город хана») более не актуально. В европейских источниках это название прижилось начиная с Марко Поло, детально описавшего столицу Хубилая Канбалу, или Канбалут¹¹. В форме Cambale название Пекина используется младшим современником Никколо Конти Иосафатом Барбаро (1413–1494), который в Китае не был, по его

¹⁰ Ibid. P. 134.

¹¹ Поло М. Книга о разнообразии мира. LXXXI, LXXXIV.

собственному признанию¹². Поль Пеллио с большой осторожностью рассматривал вероятность трактовки названия *Nemptai* в гипотетической форме Нантай 南台 — «Южная терраса»¹³. Не исключено, что утверждение Конти об основании Немптаи императором основано на данных о провозглашении Чжу Юаньчжаном Нанкина столицей.

В историографии встречаются утверждения, что Конти все же достиг Китая. Немецкий историк географических открытий Рихард Хенниг вслед за британским востоковедом Д. Юлом высказал предположение, что Конти посетил Нанкин, т. к., по его мнению, название «*Nemptai*», отождествленное с Нанкином, указывает на встречу с носителями китайского языка¹⁴. Однако сам путешественник не говорил о личном посещении Китая. По тексту отчета Конти, правда, не всегда можно с уверенностью утверждать, где путешественник точно был лично, а о каких местах узнал от других. О «двух Явах» (очевидно, Ява и южная часть Суматры) Конти прямо говорил Браччолини, что провел там девять месяцев вместе с женой и детьми, которые сопровождали его во всех путешествиях¹⁵. Также путешественник рассказал, что после Явы поехал в «морской город Чампу»: эта держава изобиловала алоэ, камфорой и золотом¹⁶. Купец Конти, скрупулезно описывавший диковинные товары от цейлонской корицы до суматранского дуриана, не говорил о товарах, производимых в Китае, что уже весьма необычно для текста его отчета.

Представление о китайцах как о вежливом, церемонном и баснословно богатом народе, а также самых искусных мастерах мира появляется уже в одном из первых европейских свидетельств о Китае — отчете францисканского монаха Джованни дель Плано Карпини о собственной дипломатической миссии 1245–1247 гг. в Каракорум. В Китае миссия Карпини не была, однако смогла собрать по заданию

---

¹² Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 3. С. 82–85.

¹³ *Pelliot P. Viaggi in Persia, India e Giava di Nicolò de' Conti, Girolamo Adorno e Girolamo da Santo Stefano by Mario Longhena* // *Toung pao*. Ser. 2. Vol. 28. No. 1/2 (1931). P. 91–92.

¹⁴ Хенниг Р. Неведомые земли : в 4 т. М., 1963. Т. 4. С. 48.

¹⁵ *Bracciolini P.* Op. cit. P. 135.

¹⁶ *Ibid.* P. 136.

папы немало информации о подвластных Великому хану Гуюку народах. Карпини писал о «китаях»:

Они... кажутся людьми очень кроткими и человечными. ...В целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди. Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком...¹⁷

Конти посетил Южную и Юго-Восточную Азию в период наивысшего внешнеполитического престижа империи Мин, и представление о том, что Китай превосходит все остальные провинции, путешественник вполне мог почерпнуть, к примеру, в Сиаме.

Во второй части отчета путешественник сообщает об учтивости и утонченности жителей «третьей части Индии», купцах, располагающих торговым флотом из сорока судов, подчеркивает, что они «далеки от всякого варварства и дикости»¹⁸. Конти также упомянул огромные суда с пятью мачтами¹⁹. Скорее всего, это корабли китайского происхождения, и не исключено, что путешественник лично видел судасокровищницы (баочуань, 宝船) из армады Чжэн Хэ, чья последняя экспедиция приходится на 1433 г. По всей видимости, Конти все же не бывал в Китае, но мог встречаться с китайцами в Юго-Восточной Азии.

Записанные Браччолини рассказы Конти о Востоке были включены в гуманистическую традицию и оказали значительное влияние на ренессансный ориентализм. В галерее красочных образов стран «трех Индий» у Никколо Конти рассказ о Китае — не самый яркий и достоверный, однако на примере этого беглого описания Китая прослеживаются интерес и стремление найти общее между Европой и другими культурами.

---

¹⁷ Карпини П. Дж. История Монгалов. V, VI // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов ; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны, книга Марко Поло. М., 1997.

¹⁸ Bracciolini P. Op. cit. P. 139.

¹⁹ Ibid. P. 143.